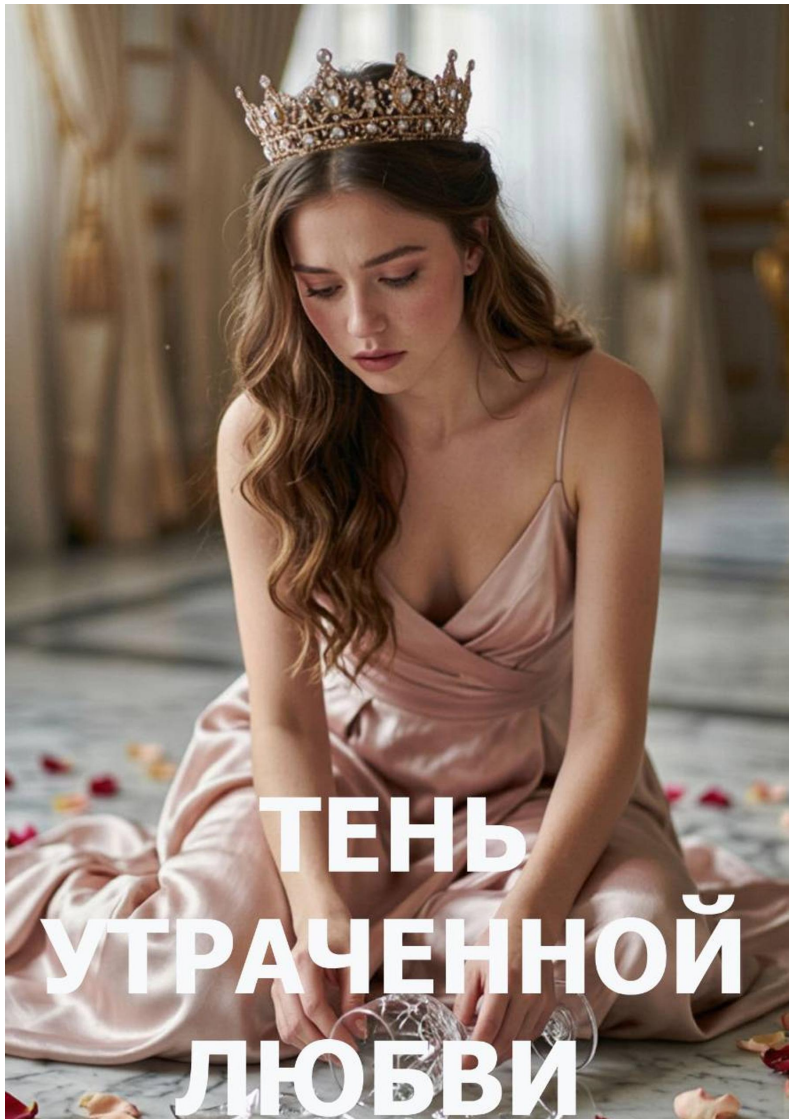

**ТЕНЬ
УТРАЧЕННОЙ
ЛЮБВИ**

Ирина Денисова

Тень утраченной любви

<https://litres.ru/74533913>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ей говорили: ты особенная. Она поверила. Это её и погубило. Лиза Воронцова привыкла получать всё, что хочет. Куклы, платья, восхищение, друзей. Рита Захарова привыкла быть тенью — тихой, удобной, незаметной.

Двадцать лет они шли рядом: одна — на свету, другая — в тени. Одна — королева, другая — свита.

Но однажды Рита исчезла — а вместе с ней исчезло всё, на чём держался Лизин мир: брак, дружба, иллюзия, что она хорошая.

Это роман о том, как легко разрушить чужую жизнь — и как трудно признать, что ты сама её разрушила. О женщине, которая всю жизнь играла роль, — и однажды обнаружила, что под ролью ничего нет.

Содержание

Глава 1. Счастье	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ирина Денисова

Тень утраченной любви

Глава 1. Счастье

Лиза с раннего детства поняла, что она — самый счастливый ребёнок на всём белом свете. Говорили ей об этом каждый день.

К маме в гости часто приходили подруги, школьные учительницы. На вид они выглядели строгими и неприступными, но, выпив чашечку чая с тортиком, а потом и по рюмочке коньяка, учительницы начинали весело и громко говорить. Они рассказывали школьные истории и много смеялись.

Лиза любила эти вечера. Она сидела на своём любимом месте — на маленьком стульчике у окна, — и слушала. Взрослые говорили о чём-то непонятном, но от этого становилось ещё интереснее. А на кухне пахло чаем и тортом, и этот запах смешивался с запахом маминых духов — французских, пахнувших свежестью и холодом.

Но больше всего мамыны подруги любили любоваться Лизой и её постоянно меняющейся одеждой.

— Какое красивое платье! — ахали они, напоминая девочке куриц с раскрытыми крыльями.

Лиза, улыбаясь, как кукла Ляля, широко и весело, рас-

правляла юбку, как бабочка расправляет свои перламутровые крылья. Юбка летела, лёгкая, невесомая, и Лиза кружилась — медленно, чтобы все успели рассмотреть. В такие минуты она чувствовала себя самой красивой девочкой на свете. Принцессой. И это было приятно — так приятно, что хотелось кружиться ещё и ещё.

Восхищенные подруги начинали донимать маму:

— Ирочка, где ты такое чудесное платье достала?

— У Игоря связи, вы же сами знаете, где он работает, — отвечала мама небрежно, но уголки губ у неё подрагивали от удовольствия. — В Москве, между прочим, купили. У нас таких нет.

Лиза не знала, что такое «связи», но понимала: это что-то важное. Благодаря папиным связям у неё были чешские туфельки, немецкая кукла Ляля с закрывающимися глазами и пенал с изображением Белоснежки и семи гномов. Больше всего Лиза любила пенал. У него был приятный, но незнакомый запах. Моря? Апельсинов? Или далёкой, красивой жизни?

Лиза не знала. Она открывала пенал, закрывала глаза — и представляла страны, где всё такое же красивое, как на картинках в книжках. Где у всех детей такие пеналы. И где никто не штопает чулки.

Когда подруги уходили, мама давала задание домработнице Люсе убрать со стола и брезгливо морщилась:

— Учительницы... Свет они несут в массы. Хоть бы чулки

свои заштопали, смотреть больно на эту нищету.

И Лиза, глядя на маму, вдруг подумала, что чужие чулки — это очень важно. А нищета — это очень, очень плохо, нищета — она как болезнь.

Уж у неё-то было много и платьев, и юбок, и чулок. И чувствовала себя Лиза настоящей принцессой. У неё была отдельная комната с розовыми обоями. У неё были книжки с картинками, которые она ещё не умела читать. Зато она любила перелистывать шуршащие глянцевые страницы и разглядывать картинки, на которых были далёкие страны, принцессы и замки. Ей казалось, что где-то там, за этими страницами, живёт настоящее счастье.

Конечно же, Лиза и так была абсолютно счастлива. У неё была мама — самая красивая, с высокой причёской и красивыми руками с блестящим маникюром. От мамы пахло французскими духами и ещё чем-то холодным, как от стекла. Лиза иногда прижималась к её руке, чтобы почувствовать этот запах, но теплее не становилось. И папа — самый сильный и умный.

Папа приходил с работы поздно, но Лиза не обижалась. Он был большой и важный — директор комбината, ему подчинялись сотни людей. Папа ставил тяжёлый портфель у двери, и Лизе казалось, что вместе с ним в дом входит взрослый, серьёзный мир, в котором ей пока нет места. Портфель был тяжёлый, кожаный, с блестящими застёжками. Лиза однажды попробовала его поднять — и не смогла. Он был тя-

желее её. Тяжелее всего на свете. И пах — тоже не нашим, не домашним. Как пенал, только сильнее.

Когда папа входил, мама выпрямлялась и начинала говорить громче, словно он был не мужем, а дорогим гостем. Папа целовал маму в щёку, поднимал Лизу на руки и спрашивал:

— Ну, как дела у моей принцессы?

Лиза таяла и хотела рассказать всё-всё: как она провела день, что устроила кукла Ляля, пока Лиза отвернулась на минутку, сколько у Лизы забот с этими непослушными куклами. Ляля вообще очень капризная, она любит, чтобы её кормили с ложечки и гладили по волосам, когда укладывают спать.

Но мама строго смотрела на Лизу таким взглядом, что становилось понятно: не нужно мешать папе и отвлекать его всякими глупостями, папа устал и хочет ужинать. А Лизе пора взять свою тарелочку из сервиза «Мадонна», положить на нее печенье, и убраться в свою комнату.

Лиза брала печенье. Тарелочка была тонкая, с золотым ободком, и печенье на ней лежало красиво, как в магазине. Лиза шла в свою комнату и закрывала дверь. И ела печенье одна. И это тоже было хорошо — потому что тарелочка была красивая, и печенье было вкусное, и вообще всё было хорошо.

Зато по воскресеньям они всегда гуляли в парке всей семьей. В парке пахло прелыми листьями и сахарной ватой.

Лиза бежала впереди, оглядывалась на родителей и махала им рукой, будто плыла.

Потом папа катал Лизу на качелях, а мама сидела на скамейке с книгой. Иногда мама поднимала голову и говорила: «Игорь, не раскачивай так сильно, упадёт». И папа весело отвечал: «Не упадёт, я держу!» И Лиза летела вверх, к облакам, громко заливисто хохотала, и думала: вот так выглядит счастье.

Свою семью Лиза считала своим личным королевством, таким же, как кукольное, только со взрослыми мамой и папой, и строго следила, чтобы в королевстве всё было в полном порядке. Родители должны любить друг друга и прежде всего Лизу.

Но Лизины наблюдения свидетельствовали о том, что не всё так гладко. Иногда мама и папа заставляли её задуматься, проявляли странности. Вот папа целует маму в щёку, а глаза у него при этом пустые. Смотрит сквозь неё, словно она — стекло. Вот мама поправляет Лизин бант, но сама смотрит в зеркало, на своё отражение. Лизе хочется, чтобы мама погладила её по голове и сказала, какая она умница. Но мама не смотрит на неё, и Лиза молчит. Она ещё не знает, что о таких вещах не просят, они происходят сами собой.

Вот они сидят за ужином, и тишина такая густая, что хочется закричать или уронить на пол тарелку, лишь бы разбить её.

— Мам, а давай завтра пойдём в парк? — спрашивает Ли-

за.

— Завтра я занята, — отвечает мама, не отрываясь от тарелки.

— Пап, пойдём с тобой?

— У меня совещание, принцесса. Но Тамара с тобой погуляет, хочешь?

Лиза не хотела гулять с Тамарой. Она хотела пойти в парк с мамой. Но мама была занята. Она всегда была занята и много работала.

Обиженная Лиза шла в свою комнату и говорила куклам:

— Вот вы плохо себя вели сегодня, поэтому я не хочу с вами разговаривать и выслушивать всякие ваши глупости. И вы наказаны — не получите на ужин конфет и не пойдёте завтра гулять в парк. Вот хотела я почитать вам сказку, а теперь уже не хочу.

Обиженные куклы отворачивались в сторону, а Лиза говорила им, грозя пальчиком:

— И не смейте тут обиженных из себя разыгрывать. Вы должны улыбаться и выглядеть красиво. Все любят красивых и послушных. Никто не любит обиженных и глупых.

Однажды вечером Лиза проснулась от громких голосов. Она выбралась из кровати, подошла к двери и приоткрыла её. В гостиной горел свет. Мама стояла у окна, скрестив руки на груди, а папа сидел в кресле, опустив голову.

— Я всё знаю, Игорь, — говорила мама ледяным голосом.

— Добрые люди рассказали, что у тебя был роман. И знаю

еще, что она работала у тебя. Неужели ты думал, что до меня не дойдут слухи?

Лиза не понимала, о ком речь, но слово «она» прозвучало так, словно мама выплюнула что-то горькое.

— Ирина, это было давно, — тихо ответил папа. — Зачем ты сейчас об этом?

— Затем, что я хочу, чтобы ты не отвлекался на всякие глупости, и тем более не вспоминал о своих прежних мимолетных романах. Ты должен помнить, кому ты обязан всем. И своим положением, и своими связями. Подумай о том, где бы ты был, если бы я вовремя не подставила тебе руку помощи.

Папа ничего не ответил. Он просто сидел и молчал, и Лиза вдруг заметила, какие у него усталые плечи. Она закрыла дверь и забралась обратно в кровать.

«Странные взрослые, — подумала она, засыпая. — У нас же всё хорошо, я самая счастливая девочка в мире, и у нас лучшая во всём мире семья».

На следующий день мама была особенно ласкова. Она купила Лизе новую куклу, погладила по голове и сказала:

— Ты у меня особенная девочка. Не такая, как все. Помни это.

И Лиза запомнила. Она особенная. У неё самые красивые платья, самая лучшая кукла и самая счастливая семья. Ей говорили об этом каждый день. И она верила.

Но иногда ей казалось, что внутри у неё, где-то глубоко

под розовыми оборками и кружевами, зреет что-то неспокойное. Что-то, что не дает уснуть вечером. Тогда Лиза звала папу, и он приходил и читал ей сказку. Гладил ее по голове, и Лиза спокойно засыпала с мыслью, что она самая счастливая девочка на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.